

НИЧЕГО

общего

СБОРНИК РАБОТ
ВЫПУСКНИКОВ 2 КУРСА
CREATIVE WRITING SCHOOL
МАЙИ КУЧЕРСКОЙ

**Коллектив авторов
Вадим Юртин
Ничего общего. От
космических пахарей**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26338717

ISBN 9785448573880

Аннотация

Они называют себя «космическими пахарями». Так повелось после первого курса Creative Writing School Майи Кучерской. «Космосом» они именуют интернет-площадку, где выкладывают на всеобщее обсуждение свои тексты, форум, где они познакомились, ругались, мирились, критиковали. «Пахарями» они стали после выхода их первого сборника – «Пашня-1», который подытожил первый год обучения. «Космические пахари» подросли на один курс и представляют публике свои новые работы.

Содержание

Ничего общего	6
Вадим Юрятин	6
Лольно, кечно и сважно	6
Мака Канделаки	22
Воздушные змеи	22
Дарья Александер	32
Живой	32
Елена Левина	41
Волки	41
Дмитрий Шишканов	50
Персональный тренер	50
Лариса Дикк	63
Цинга	63
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Ничего общего От космических пахарей

Выпускники второго курса CWS Майи Кучерской:
Вадим Юрятин, Мака Канделаки, Дарья Александер,
Елена Левина, Дмитрий Шишканов, Лариса Дикк,
Ирина Бочарова, Оля Борисова, Елена Николя,
Дания Жанси, Елена Шальнова, Елена Букреева,
Ирина Ключниченко, Алексей Зайцев, Любовь Чайкина,
Елена Сазыкина, Наталья Глухова, Римма Танташева,
Владимир Потеря, Евгений Чикриз, Екатерина Бахаре-
ва,
Антон Миннеханов, Андрей Гагарин.

Составитель Вадим Юрятин

ISBN 978-5-4485-7388-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На земле обитает около 30 тысяч видов рыб. Кто был в океанариуме, знает, какое это завораживающее зрелище: все возможные геометрические формы, от треугольника до овала, все оттенки цвета, от черного и густо-сиреневого до лимонного и голубого, плывут перед тобой в зеленоватой воде за толстым стеклом, двигают плавниками и прячутся под камни. Разнообразие – синоним жизни. Как толь-

ко появляется стандарт, шаблон, объем сменяется плоскостью, жизнь – смертью. На самом деле это я и про литературу тоже. Чтобы она была живой, она должна быть представлена в самых разных формах – привычных, экзотических, основательных, хрупких, долговечных и однодневных. В разных! Чтобы литературный процесс осуществлялся, словесность развивалась, нужны большие и маленькие рыбки, разноцветные и едва заметные, прозрачные. И такие вот пестрые сборники очень разных – по уровню исполнения и тематике – рассказов, собранные волей и энергией самих авторов, в данном случае выпускников онлайн-курсов CWS, тоже совершенно необходимы. И потому выход каждой такой книги для меня – большая и всегда очень личная радость, еще один звоночек: «не зря!».

Майя Кучерская,
писатель, руководитель CWS

Ничего общего

Вадим Юрятин

Лольно, кечно и сважжно

Суббота

Мне очень страшно. Уже третий день снится, как я тонул. Мне тогда было десять лет. Мы с отдыхали на Ладоге у дяди Макара. Неловкий шаг в сторону – и вода уже выше подбородка. Я карабкаюсь наверх, барахтаюсь. В нескольких метрах от меня смеются родители (они тогда еще не развелись), дядя Макар, приобнимая тетю Таню, со стаканом вина в руке рассказывает что-то веселое. Хохот доносится до меня волнами. Я его то слышу, когда голова находится над водой, то не слышу, лишь стоит уйти под воду. Пузыри переливаются искрами, преломляя солнечные лучи. Иногда я вижу лицо мамы. Она тоже смеется. Я тогда выплыл. Долго потом лежал на коврике, пытаюсь отдышаться, и слушал веселую болтовню дяди Макара. А во сне я каждый раз захлебываюсь и иду ко дну.

– В общем, или СПИД, или сифилис.

– Сдурел? Какой СПИД? Откуда?

– Есть одно подозрение.

– Обоснованное?

– Ты понимаешь, что я умираю?!

– Да с чего ты взял?!

– У меня язык обложен! Белый налет по всей поверхности.

Не то жжет, не то колет.

– Покажи.

Открываю рот и приближаю его к камере.

– Не видно ни хрена. Посвети фонариком и язык отогни ложкой.

– Ложки нет, но есть палочки от суши.

Неясно, что он там видит, но по окончании осмотра физиономия Матвея выражает смесь презрения и отвращения.

– И еще меня слегка трясет. Как будто легкая лихорадка, понимаешь? К тому же какая-то сыпь странная вот тут и вот тут.

– Ну и?

– Что значит «ну и»? Я вчера весь вечер в инете сидел, пытаюсь установить диагноз.

– То есть ты на основании того, что у тебя легкий похмельный тремор с небольшой примесью гриппа, пара прыщиков, а также, как и у всех перманентно бухающих и жрущих не пойми что идиотов, белый налет на языке, возомнил себя тяжело больным? А диагноз тебе поставил анонимный робот с сайта, предназначенного для рекламы недействую-

щих лекарств?

– ...

– Андрюх, если ты чем-то и болен, то только паранойей. Она, увы, неизлечима, особенно в твоём случае. А вообще, сдай анализы.

– Как это?

– Приходишь в клинику. Говоришь: «Можно сдать у вас кровь на ВИЧ и сифилис?»

– Стыдно же? А вдруг услышит кто?

– Стыдно в первый раз презики покупать. Беги в клинику, заодно и общий анализ сдай, вдруг пригодится.

Посреди ночи кто-то бьет меня изнутри в солнечное сплетение. Синяк на сгибе локтя пугает. Где-то сейчас мои пузырьки с кровью? Господи, сделай так, пожалуйста, чтобы там не обнаружили ничего такого.

Воскресенье

Мне всего двадцать семь. Пушкин с Лермонтовым уже все написали и умерли. А я? Кроме трех десятков тупых роликов на ютубе и вспомнить-то нечего. Да и то, не сам я их сделал, это все Матвейка. Талант свой променял на... Хотя какой там талант! Конечно, играл на одной сцене с... Тоже, конечно, не пойми с кем. И главное – что я скажу Машке?

– Молодой человек, у вас умер кто-то?

– Нет пока.

Из пояснений тетки выходит, что «во здравие» свечи надо ставить в круглый «тазик» – это, типа, для живых, а квадратный «поднос», в который я по незнанию воткнул свою свечу, предназначается для мертвых.

Я давно не плакал, да еще и в объятиях какой-то незнакомой тетеньки, впаривающей красные свечи по сто рублей штука – они, типа, «праздничные». Я что-то бормотал ей, пока моя свеча, криво установленная в середине «тазика», постепенно клонилась вбок. Тетка развела меня на купить книжку. Библия очень толстая – не взял. Приобрел «Законь Божій». Он тоже толстый, но с картинками.

– Матвей, я решил уйти в монастырь.

– Куда?!

Удивленно-заспанное лицо Матвея смотрит на меня с экрана лэптопа.

– Надеюсь, в женский?

– Матвейка, это серьезно. Ты выслушай, пожалуйста, а потом уж решай, язвить или нет, но лучше просто помолчи.

– Молчу.

– Я всю ночь почти не спал, думал. Эта моя болезнь – она лишь отражение... Как бы сказать. Вот чем мы с тобой занимаемся? В том смысле, что к чему это?

– Андрюх, ты сейчас о чем? О нашем совместном творческом экспириенсе или о духовной парадигме всего поколе-

ния?

– ..?

– Андрей, у нас с тобой завтра запись. Тысячи твоих соп-ливых фанатов, точнее в основном фанаток, ждут от тебя новых забойных пинчей, кульных шуток, отвязных приколов. Давай-ка в душ и бегом ко мне, тебе еще текст учить.

– Мама, привет.

– Привет, Андрюшенька. Не забыл все-таки. С Пасхой тебя! Христос воскрес!

– Спасибо, мам.

– Слушай, Андрюх, я тут подумал. Если уж ты решил свалить из этого мира в поисках своей бессмертной души, то можешь хотя бы попробовать принести пользу человечеству. Это очень интересная тема – зайти, так сказать, в церковь с заднего прохода. Тихой сапой проникаешь к ним на «базу» и все снимаешь. Потом накладываем на картинку твой рэпачок. Кинешь пару пинчей, типа: «эрпэцэ – это пэцэ», «не гунди, Гундяев». Versus отдыхает! Надеваешь камеру GoPro и идешь к ним в самое логово. Я, кстати, нагуглил пару адресов. Ты еще не передумал?

Господи, сделай так, чтобы у меня были хорошие анализы!

Понедельник

По указанному Матвеем адресу нашлось какое-то древнее здание из красного кирпича со следами облезлой белой краски на стенах. Оставил машину и пошел искать кого-нибудь из церковных. Встретил мужика лет так сорока пяти с характерными следами неумеренного потребления. Видимо, наррик или алкаш. Спросил у него, где тут монастырь. Мужика зовут Иваном. Он сказал, что скоро приедет отец Павел, который тут за главного.

– Андрюх, ты только не впадай в мистицизм. Это все уже давным-давно развенчано. Почитай хотя бы Рассела. Мы живем в оцифрованном мире, где нет места релятивизму, только не путай, пожалуйста, релятивизм с релевантностью. А религия – это такая телегония мозга, если ты, конечно, понимаешь, о чем это я.

Я давно уже не понимал, о чем это он.

– Между прочим, Вассерман, который Онотоле, доказал небытие бога.

– Как?

– Да очень просто. Математически. Через теорему Геделя.

– Шел бы ты отсюда. Здесь тебе не барбершоп.

– Отец Петр, вы же меня совершенно не знаете! Может, у меня душа тянется к богу.

– Вижу я, к чему она тянется. Ты посмотри на себя!

– Я просто сплю в последнее время мало, поэтому мешки

под глазами. А вообще, могу у вас работать за бесплатно. Вон какой тут у вас бардак.

– Ладно, сейчас придет отец Павел, разберется.

Публика тут такая. Отец Павел – седой крупный мужчина лет пятидесяти с чем-то. Он, типа, гендир. Отец Петр – молодой, не старше тридцати лет, типичный священник, он, вроде как, заместитель у отца Павла. Еще приходит матушка Наталья – жена отца Петра. Она нам поесть приносит. Про Ивана я уже говорил. И у Павла, и у Петра есть свои приходы поблизости, а сюда они приезжают сверхурочно. Отец Павел сказал, что рабочие руки лишними не бывают. Отцы побыли недолго и уехали. До вечера таскал с Иваном какие-то кирпичи. Ночевать мы остались с Иваном в пристрое. Иван как лег, так и заснул сразу, а я замерз и решил растопить печку. Разбудил Ивана, тот сказал, что дров нет, но, если я найду ненужные доски, то могу их использовать.

Господи, ну почему еще не пришел результат?!

Вторник

Доски, которые я вчера с таким трудом разломал, испачкавшись в цементе, и истопил, оказались опалубкой. Иван по этому поводу с утра сильно разорялся. Днем приехал отец Павел и спросил, крещен ли я? Я сказал, что не знаю. Позвонил маме, она ответила, что «к сожалению, нет, потому что твой отец всегда был против». Я согласился на предложение

отца Павла. Постоял со свечкой, три раза плюнул, три раза дунул, сказал, что-то вроде «отрекаюсь от тебя ащцкий сотона» и вслед за отцом Павлом ходил по кругу. Зашли в алтарь, который отгорожен гипсокартоном от основной части церкви. Это самая святая часть в храме, хотя тут тоже валяются ведра и мешки с грунтовкой. Отец Павел сказал, что завтра будет служба. Разрешил взять GoPro. В свободное от перетаскивания тяжестей время читаю «Законъ Божій».

Среда

– Гомосеятина там у вас есть? Монастыри – это ж рассадник содомии.

– Какой содомии? Тут всего-то народу четыре человека со мной.

– Две пары!

– Матвей, иди на хрен.

Утром была служба. Пришли какие-то крестьяне из соседних деревень. Две тетки подпевали отцу Павлу. В церкви нельзя быть в шлеме, поэтому примотал GoPro ко лбу бинтом из автомобильной аптечки. Очень устал стоять, но терпел. В конце службы надо было целовать руку отцу Павлу, затем крест, а потом еще и прикоснуться лбом к кресту, я прикоснулся камерой. Замучался отправлять ролик Матвею, все деньги потратил – вайфая-то тут нет!

Господи-господи... Анализы-анализы...

Четверг

– Хайп до небес!

– В смысле?

– Я смонтировал эту тягомоту церковную с твоими старыми неиспользованными рэпаками. Помнишь, мы готовили серию про новое звучание советских песен: «Пусть всегда будет Джа», «Втроем втройне веселей», «Потому, потому что мы пелотки» и все такое. Глянь.

Самый популярный комментарий: «Шикардоссно потроллили. Лольно, кечно и сважжно».

– А что значит «кечно» и «сважжно»?

– Учи родной язык! Это наречия, образованные от kek и swagg. Последнее, конечно, уже устарело.

– Матвей, убери это безобразия.

– Хорошо же они тебя успели обработать!

– Матвей, убери этот видос! Мало того, что нас посадить могут, так это еще и... нехорошо.

– Отец Павел, поговорите со мной, пожалуйста. А то уедете опять.

– Да, Андрюша.

– Мне очень страшно. Боюсь, что болен.

– Давно это у тебя?

– Где-то неделю.

– Ничем ты не болен. Работай. Заведи дневник.

– Я думал, вы меня молиться отправите.

– Ты ведь и так все время молишься.

– Отец Павел! Посоветуйте: я чувствую, мне как будто что-то надо сделать, а я не знаю что.

– Андрей, тебе нужно добровольно и намеренно отказаться от чего-то лишнего.

– От чего?

– Я уверен, ты и сам прекрасно знаешь.

Господи. Я тебя очень прошу, сделай так, чтобы в моих анализах не было ВИЧа и сифилиса. Добровольно и намеренно отказываюсь... И обещаю, что не буду пить и курить, скажем, полгода.

Пятница

– Алло, это клиника! Я анализы сдал, но почему-то до сих пор на почту не пришли результаты. Сколько можно!

– А вы оставляли свою почту?

– Конечно, оставлял!!!

Показал отцу Павлу «Законъ Божій». Он похвалил, сказал, что это «репринтное издание», книжка для детей эмигрантов. Писал дневник. Что-то еще делал сегодня, но ничего не помню, ничего.

Господи, спасибо тебе, что у меня нет сифилиса, жалко, что с базофилами не очень, но это ерунда, главное, пусть

у меня не будет ВИЧа! Я ведь такой молодой! Помоги, пожалуйста, а я пить, курить и даже вейпить не буду целый год!

Суббота

– Ты говорил, что у тебя есть подозрения. Бабу трахнул без резины?

– Не совсем.

– Не совсем без резины?

– Не совсем бабу. И не совсем трахнул. Точнее будет сказать, мы с Настей использовали некоторые предметы, в гигиенической чистоте которых я не уверен.

– Тебе бы кроссворды сочинять. Никто б не разгадал.

– Матвей, я боюсь, что им нельзя положительные результаты посылать по электронке, можно только лично вручать, под расписку, понимаешь? Чтоб пациент был ознакомлен об уголовной ответственности за распространение и все такое.

– Она тебя отстрапонила, что ли?

– Я с ума тут схожу, а ты надо мной только издеваешься!

– Анализ тебе пришлют, не ссы. Ящик перепутали или еще что. Это ж Россия. А из монастыря тебе валить надо. Они тебя обманывают, смеются втихаря над тобой.

Воскресенье

Пикнула почта. Нет, не буду смотреть. Даже не взгляну. Вдруг там «положительно». Господи, пожалуйста-пожалуйста. Подари мне вторую жизнь. Я правда-правда буду лучше.

Блин, почему тут нормального интернета нет?! С сегодняшнего дня ни капли! Да сколько можно загружаться!

– Иван, тебе сколько лет?

– Тридцать.

– Тридцать?! А почему ты здесь?

– Мне нельзя в миру. Я там сразу же сторчусь. В первый месяц готов был уколаться хоть чем, лишь бы из вены что-то торчало. Осиновые шишки собирал и перетирал пополам с укропом, чтобы покурить. Выл, по земле катался. Мне дорога – или в тюрьму, или сюда. Слаб я. Ты сильнее.

– Какое там, сильнее. В первый же день обещание нарушил.

Понедельник

– Отец Павел, извините меня за вчерашнее.

– Ничего.

– Не вышел из меня монах.

– Не всем дано.

– А почему тут у вас нет никого? Это же монастырь?

– Был. Сто лет назад. Потом его закрыли, использовали как склад. Потихоньку восстанавливаем с Божьей помощью.

– То есть вы меня обманули?

– Нет.

– Смеялись надо мной...

– Отец Петр сказал, что ты известная в определенных кру-

гах личность, а я увидел испуганного мальчика. Тебе нужна была помощь.

– Спасибо вам.

– Не плачь. Езжай домой, послушай музыку. Ты что обычно слушаешь?

– Русский рэп.

– Ну что за поколение! А рок? «Procol Harum», «Talking Heads»...

– Не слышал никогда.

– Закачай с айтюнса.

– Знаете, отец Павел, вот вы такой умный человек и посреди всей этой разрухи... Иван говорит, вы большой пост в Москве занимали, в смысле, карьеру делали в церкви, а они вас сюда сослали. А здесь же нет никого! Три мужика да полторы бабы. В магазине два сорта водки! Потом вас же еще и обвинят в некомпетентности.

– ...

– Зачем вам это? А вы знаете, что Вассерман доказал небытие бога с помощью теоремы Генделя?

– Геделя. Вообще, этих теорем две. Я когда-то на мехмате учился. Не исключаю, что Вассерман смог доказать небытие Бога, но я лично верю в то, что Бог может с легкостью доказать небытие Вассермана.

– Вам бы с Матвеем поговорить.

– Иди с Богом, Андрей. Домой иди, к друзьям.

Вторник

Оставил «Законъ Божій» Ивану, а то у него тут из всей литературы только «Повести о партизанах». Какое наслаждение снова сесть за руль! Как приеду, первым делом куплю жидкость для боксмоды. Кстати, сыпь вроде бы стала проходить и язык уже не так жжет. Может, это из-за вейпа было?

– Маша, привет.

– Мне Матвей все уже рассказал. Вали к своей сатанистке и трахайся с ней сколько захочешь! Прикуплю вам фаллоимитаторов и плеток.

– Маша!

– Что?

– Не бросай трубку. Прости меня.

– Я не ослышалась? Наша звезда просит прощения?

– Мне правда очень жаль.

– Ты где сейчас?

– В машине.

– Это я и так слышу. Ты что, действительно в монастыре был?

– Да.

– С каким-нибудь... духовником общался?

– Типа такого.

– И о чем говорили?

– О рок-музыке.

– Какой-то прогрессивный у тебя духовник.

– Маш, а можно я сейчас к тебе приеду?

– Можно.

– Матвей.

– О! Бывший звездный мальчик ютуба, а ныне скромный монах-схимник соизволил мне позвонить! Не переживай, чувства верующих не задеты. Ролик я удалил. Почему вас нынче опиум для народа?

– Какой опиум? Я, кроме ганджи, ничего и никогда. И вообще решил завязать. Скажем, на месяц.

– Вот до сих пор не пойму, за что тебя бабы любят? Неужели только за смазливую мордашку и кубики на животе?

Похоже, я выплыл. Меня оставили жить дальше. Хотя, если верить толстой книжке с забавными старинными буквами, которую я оставил своему случайному знакомому-наркоману, книге, предназначенной для русских детей, выросших на чужбине в середине прошлого века, вся моя жизнь – всего лишь мгновение, секунда, затерянная посреди седьмого дня творения.

– Мама?

– Привет, Андрюш. Что-то ты зачастил.

– Я тоже рад тебя слышать. Мам, я хочу тебя кое с кем познакомить. Думаю, заедем к тебе на днях. Ты как?

– Конечно.

– Мама, а ты помнишь, как я тонул?

– Когда?

– На Ладогe, лет семнадцать назад. Ты загорала с папой и не видела, а дядя Макар анекдоты свои чесал. Я в какую-то яму провалился и тонул, тонул. Было такое?

– Нет, Андрюша, тебе, наверное, показалось. Я бы почувствовала...

– А на этой неделе ты что-то почувствовала?

– Ты о чем?

– Ладно, мам. Вот что. Я в позапрошлый наш разговор кое-что забыл, точнее не знал. В общем, воистину воскрес.

Мака Канделаки

Воздушные змеи

Антон погиб пять дней назад. 24 декабря Нина, Петр и Васо ехали с похорон. Петр полудремал на заднем сидении автомобиля, когда Нина предложила ему половину папиросы. Она сидела рядом с водительским местом, смотрела на дорогу и протянула руку, не оборачиваясь. Движения ее были осторожны, сигарета крепко зажата между большим и указательным пальцами. Петр взял, затянулся глубоко.

– На фига еще травка? И так джетлаг, – со школьных лет в их компании тучный Васо правил, как ему казалось, бал и при всех обстоятельствах за рулем неизменно сидел сам. – Устала ты после перелета, – Васо подался вперед, выискивая Нинины глаза. – Не плачь.

– Нормально. Выплакала уже, – Нина провела ладонями по скулам – «разогнать кровь и успокоить глаза».

Они дружили с детства, со школы. Правильный Петр, громоздкий Васо, живчик Антон и любвеобильная Нина. Дружба казалась настоящей, без всяких, как бывает, человеческих проявлений двух противоположных начал. Был еще Миша, Нинин будущий муж. Он вошел в их компанию позже, им было уже по семнадцать. Миша с первых же дней знаком-

ства назвал Васо Василисом и сдружился с ним крепче всех остальных.

– Миша говнюк, конечно же, – подытожил Васо.

– Василис, не планировал он сюда на Рождество, – Нина отвернула голову к окну. – А потом... эта нелепость. Миша не смог сорваться с работы. В последнюю минуту. Сложно в Штатах, ты знаешь же.

– Петька вот смог.

Кроме Васо, все уже давно разъехались. Большой Васо никуда не уезжал из родного города, много пил и работал тоже много – когда не пил. В конце декабря Антон неизменно приезжал из Швейцарии сам и старался собрать по возможности всех разлетевшихся. Пять дней назад вернулся. И нелепость произошла.

– Не могу поверить. Самый жизнелюбивый из нас... – голос дрогнул. Опустила окно. Город приволок гудки автомобилей. Из проезжающей машины обдала музыка – «сколько же здесь попсы, во всем».

– Все еще кашляю. Все, блин, как раньше, – Петр закашлял неестественно громко – он боялся женских слез и эмоций в целом.

– Все как раньше. Без Антона только, – Васо проглотил все буквы «о». – Нина, а поехали на твою дачу? Запасные ключи все там же, у соседей, правильно? Там и напьемся. Не хочу никого видеть.

– Гениально это, – прозвучало без особого энтузиазма. –

Сколько мы там уже не были? – Нина обернулась, улыбнулась Петру: – Перестань уже, задохнешься. Поехали, да? Вечером обратно в город.

Снег монотонно валил. Петр отвечал на бесконечные телефонные звонки коллег. Васо бурчал: «24 декабря короткий день, нет? Или немцам по фиг?», боролся с ослепляющим глаза заходящим солнцем, тихо ругался, что забыл очки, и много курил. А Нина уснула под знакомое с детства постоянное недовольство большого Васо. Открыла глаза – уже подъезжали к даче.

– Алебастровые горы. С желтизной, – Нина прищурилась на кипенный горный хребет. «Монумент, а не горы», – каждый раз подчеркивал Миша. И даже в ту первую их ночь – в самой незрелой юности, на самом удобном в мире диване – он вспомнил горы.

– Вот сегодня попрошу без алебастровых. Даже гор. Тем более блондинок, – Васо, тяжело дыша, парковался задним ходом. – Сегодня напьемся без твоих соплей по мужу Мишке и его бывшей любви на стороне к алебастровым. Усекла?

Нина ловко спрыгнула с высокого порога внедорожника – никаких пятидесяти лет.

– Окей. Но если Петр вспомнит все наши истории, будет весело, – Нина захлопнула за собой дверцу.

– Даже не думай, – Васо придержал Петра. – Не все истории, Петя. Я сказал, ты понял. Это в Германии своей ты шеф. Здесь я вас всех по-прежнему строю.

– Вах ме! Большой Васо дрейфит, с чего бы?

* * *

Петр бродил по дому в поисках стабильной сотовой связи – голос его звучал из самых неожиданных углов. Нина долго курила у окна в гостиной, выдыхая дым прямо на стекло. Густая белая струя расплзалась в кружевной овал на долю секунд и оставляла поцелуй-испарину на стекле. За такие «целованные» стекла ее ругали мама, бабушка, а потом еще и Миша.

– Ну же, так и буду пить в одиночестве? – и Нина, и Петр точно знали, Васо обратился к каждому из них.

Нина посмотрела в его сторону. На пыльном столике выделялись темные следы от бутылок. Пустая бутылка виски, и еще одна – полупустая. И непочатая водки. Васо добивал очередной бокал виски, сидя на краю дивана. Диван, задетый временем серыми островками на изначальном горчичном, был полноценной частью этого дома. Огромный, он всегда стоял в центре гостиной, на нем всегда лежали книги и альбомы. Теперь на нем сидел Васо, не особо жалующий книги. И Васо было неудобно. Он ерзал, расставлял широко ноги – дать пространство животу, съезжал на край или, наоборот, вваливался глубже. Диван его явно не принимал. «А Мишу, помнится, сразу».

– На похоронах сына отсутствовать. Как тетя Аня смог-

ла... Я понимаю, верующая она, но все же... – Нина перевела взгляд обратно на окно. – Антон любил жену. Я это знаю сейчас. Все эти его похождения на стороне. Это все ни о чем. Я тоже не понимала, зачем он на ней женился, этой никакой прыщавой. Когда вокруг... все за него цеплялись. Всю жизнь, – Нина хотела прикурить, но передумала. – Но недавно я поняла. Их отношения с женой, эти постоянные перебранки, они гармоничны были для них. Понимаете? Это – их масштаб и пространство. Куда мы лезли? Двадцать лет. Как же не пара?

– Не пара. Это факт, – включился Петр, выходя из глубины комнаты.

– И тетя Аня... Тоже не должна была, – прикурила-таки. – Отсюда и срыв в Швейцарию.

– Швейцария это не наказание, – Петр подошел к Нине, заправил ей за ухо упавшие на лицо волосы. Поцеловал в лоб. – Рыба ты наша.

Нина отстранила Петра слишком поспешно, будто ждала его приближения.

– Я должна как-нибудь выбить из тети Ани согласие впустить меня к ней.

– Пронесло, – улыбка каждый раз делала Васо на несколько лет младше своего возраста, – хорошо, что плач не об алебастровом горе.

– Васо нализался.

– Васо хоть по врачам тетю Аню возил. Я ни разу ей да-

же не позвонила. И с Антоном тему его отношений с мамой не поднимала. Мол, жена твоя – не наш человек. А мать, мать – да. А сейчас его нет. Назло матери. И нам.

– Ты глупости не говори. Назло матери... – Васо наконец отлипнул от неудобного дивана и пересел в кресло. – При чем тут мать?

– Ну хорошо, не из-за матери, конечно. Но ему было тревожно, может, больно... – Нина поспешно подошла к освобожденному дивану. – Не может, а точно. – Влезла с ногами и устроилась удобно. – А мы чем помогли? «И что такое наша дружба? – подумала Нина, выпуская дым сигареты. – Только времяпровождение и пересказ историй прежних лет».

– Любил Антон свою жену или нет, это не наше дело, – Васо кивком подтвердил самому себе правильность своих слов. – Я ее не любил. Вы тоже.

– Гениальный, наш самый-самый Антон женился на никакой ней. А мы все вокруг такие тоже полугениальные. Как минимум. Снобами как и были, так и... – Нина была благодарна Америке, которая ей помогла, как она думала, разобраться в главных ценностях, – так и остались. Антона это мучило.

– Мучило или нет, не знаю, – Петр примерял перед старым пыльным трюмо найденные здесь же солнечные очки, – но примирить его с матерью стоило, согласен.

– Хорош совать нос в чужую жизнь. Мы тут поскромнее вас, получается. Не лезем с советами.

– Василис, рыба моя, ведь врешь, – Нина затушила сигарету в пачке. – Ко мне ты лез, то есть рядом был. Звонил все время дохлой мне. И Петя старался как мог, когда не на конференциях. Антон само собой. Всегда рядом. Перманентный проксимальный фейерверк. Для всех и всегда.

– Воздушные змеи, – произнес осторожно Петр. – Четыре змея в небе. Помните? Потом добавил и пятого, для Миши. И мы этим жили. Набирали энергию.

– Вампиры мы, получается. Всего высосали. Гадко как-то. Я должна позвонить тете Ане.

– Я звонил вчера. Не хочет нас видеть. Никого. Кроме Василиса.

Васо долил виски в свой бокал, быстро его опустошил.

– Миша плачет все время, – Нина сбилась на полуслове. – Как, говорит, без Антона дальше жить.

– А приехать не смог. Говнюк, – Васо налил еще виски.

Петр перевел взгляд на Нину. Она помотала головой.

– Ой, да пусть нажрется, раз ему надо! Взрослый уже. Я-то причем?

– Ты у нас, Нин, везде и во всем. Только вот потрахаться ни у кого из нас с тобой не получилось. Пришел Миша и взял тебя. Цепью огородил. И из страны вывез в срочном порядке.

– Кому она нужна была! Рыба моя, не обижайся, – Васо попытался положить ногу на ногу, но мешал живот, – я тебя люблю. Друг. Ты есть друг. Бесполой.

– Я себя виню. Это не от водки. Я виню себя, что...

– Бабские какие-то разговоры пошли.

– Это по твоей части, Василис, – Петр чеканил слова. – Бегал к Мише, советовал. Не пара она тебе, не пара.

– Кто не пара? – удивилась Нина.

– Ты. Мише. Мучила его семь лет. Вот Василис и посчитал своим долгом вмешаться и объяснить, что ты с ним поступаешь подло.

– Это когда?

– И что нового ты сейчас сказал, Петька? – Васо умел поставить голос, сейчас голос его играл в безразличие.

– Еще скажу. Нина, и тогда. И после. И недавно.

– Ну тогда, да. Я с тремя вместе встречалась. Параллельно. По молодости. А после и недавно – это что? В чем подлость-то моя?

– Ты не поняла. «И тогда, и после, и недавно» – это Василис советовал Мише. От тебя избавиться. Вот Мишу и потянуло, наконец, на алебастровых.

– Хуйню несешь, – в голосе Васо звучало сожаление.

– Ага, – улыбнулась, – Миша только и делает, что слушает Василиса по жизни. Прямо.

– Значит, совпадение, – удивился Петр своей болтливости.

– Значит, ты, Петр, говнюк и сплетник, – сказал Васо.

– Ссоритесь. Блин. Серьезные дяди. Друзья детства. Оплакивают друга.

– Будешь ведь? – Петр налил Нине водку. – Чего-то я...

Извини, если что не так. Травка, может, подействовала.

– Нин, а хочешь правду? – Васо встал с кресла, оставив за собой глубокую вмятину, подтянул брюки. – Да, я твердил Мише. Всю жизнь. Не любишь ты его. Так думаю. И что? Вы с Мишей вместе тридцать лет. И Антону, на хуй, надо было жить не с этой женой.

– Ведь я не позвоню тете Ане, – Нина, казалось, не слышала Васо. – То есть позвоню, она откажется от встречи, и я ничего больше не сделаю.

– И вот что из всего этого вышло, – Васо поморщился. – Он сделал это. На паркинге.

– Антона нет. И получается, держаться больше не за что. Надо ехать, – решил Петр.

– Травка еще есть? – Нина после паузы.

– Оставил на столе, – Васо проглотил все гласные.

– Ага. И Антон письма на столе жене оставил. И матери.

– Не за что, – недовольно пробурчал Васо.

– Держаться не за что. Ты прав, – Нина закрыла глаза.

– По домам? – предложил Петр.

– Я остаюсь. Утром вызову такси. Мне так удобнее, – вжалась в диван.

– Я, как Миша, не знаю, как без Антона жить... – Васо стоял посреди гостиной и походил на обиженного ребенка.

– Пошли уже, – велел Петр. – Прощай, – кивок Нине.

Нина лежала на диване. Ей было уютно. И было это важнее всего. Одиночество радовало. И знала, завтра утром обведет глазами декабрьское небо и увидит двух упущенных воздушных змеев. «И сколько их в небе? Два, три или все четыре?» – была мысль, уже перед тем как уснуть.

Дарья Александер

Живой

Вот так всегда: приближаешься к кабинету Валерия Степановича и дрожишь. Еще бы! Одна его дверь чего стоит. Прямо как врата ада: огромная, тяжелая, явно обитая кожей нас, грешников. Принесешь отчет какой-нибудь и ждешь, ждешь... Потом дверь медленно открывается, и вот он стоит – ростом немного пониже меня, ну а я-то никогда высоким не был. Ручки тоненькие, ножки шупленькие, но какая внутренняя сила, какая мощь! Даже лысина вызывает уважение... А говорить когда начнет – ну прямо генерал перед ротой солдат! Представляю, какой он сегодня поднимет крик. Ладно бы просто баланс неправильно свел... а тут...

– Чего тебе? – окликнул меня Валерий Степанович. Оказывается, что начальник все это время стоял за моей спиной, мелко прихлебывая кофе из тяжелой кружки.

– Говори тут, нечего туда идти, – велел он.

Вот оно как. Даже в кабинет не пригласил.

– Даже не знаю, как начать, – пробормотал я. – Так оно случилось, что...

– Чего еще у тебя случилось?

– Тут такое дело... В общем...

Я огляделся по сторонам. Никого вокруг не было. Тогда я осторожно склонился к лысине и зашептал.

– В общем, помер я. Вот свидетельство о смерти. Вот договор на оказание ритуальных услуг. Также при содействии родственников могу предоставить информацию о проведении погребения, прошедшем неделю назад.

Липкими руками я протянул Валерию Степановичу бумажки.

– Помер? Да знаю я, знаю, – нетерпеливо сказал начальник. – Жена твоя приходила, документы приносила. Уже и бумаги все твои выкинули, и стол другому сотруднику отдали. Так что не понимаю, чего ты тут торчишь.

– Ну как же, я проинформировать хотел. Кроме того, так сложилось, что я не смогу сдать баланс за июнь.

– Ладно, обойдемся. Незаменимых у нас, как известно... Еще вопросы есть?

– Да я так только... Спасибо вам, Валерий Степанович.

– Давай-давай, иди отсюда, – прорычал начальник, с усилием открывая неподъемную дверь. Дверь утробно взвыла и захлопнулась за ним.

Хоть убей, не помню, как это началось... Кажется, сидел на кухне, ждал, когда жена мои любимые бараньи котлетки принесет – и все. Каюк. А может, поскользнулся где. А может, сердце прихватило. Да какая теперь разница? Помню, что тряслись в пазике на пути к кладбищу. Лежать в этом дурацком ящике было неудобно, уж лучше бы я сидел, как

все. Цветы какие-то разляпистые полевые принесли, а у Лизы на них аллергия. Да и вообще, зачем ребенка на кладбище таскать? Она так перепугалась, вжалась в автобусное сиденье и боялась на меня смотреть. А я все думал: «Вот, Лиза, папка твой не в форме, лежит посреди автобуса, словно пьяный в стельку, и ничего сделать не может. Даже утешить».

Приехали на кладбище, быстренько меня выгрузили, чего-то там про мой хороший характер пробормотали и в землю положили. Цветы сверху накидали и домой отправились, пить за свое здоровье и «Ой мороз, мороз» петь. И вот теперь стою я под дверью начальника без паспорта, без работы, без планов и перспектив.

Нечего делать: с работой не складывается, потащился домой. Всего несколько ступенек, первый этаж все-таки. Темный коридорчик, а в конце наша квартира. Во мраке поблескивает позолоченная баночка с сигаретными бычками из-под «Мусор голд кофе». Не выкинули, значит. Я сразу как-то прибодрился. Только вот ключа у меня не было. Покойникам в карманы обычно ключи не суют. Видимо, сомневаются, что они могут зайти посидеть, поболтать о том о сем.

Дверь открыла Таня. Могучая женщина. Высокая, жилистая, статная. Бывает, разговариваешь с ней, все на грудь смотришь и думаешь: если, к примеру, поставить на нее небольшую стопочку водки, да что там, даже тарелку с сосисками и горошком, удержится ли? А познакомились мы еще в школе. Я ее за косички дергал, а она меня по башке книж-

ками была. После школы как-то разошлись, она замуж вышла, овдовела. Потом на какой-то встрече выпускников увиделись. Подумали, дело наше одинокое, почему бы и нет... Через два года Лиза родилась.

– Ну? – лениво протянула Таня.

– Вот, зашел узнать, как дела у вас, да и отдохнуть маленько...

– Не живешь ты больше здесь, Вадик. Понял? Выписали мы тебя.

– Как это выписали?

– Вот так. А заново тебе прописаться не удастся, так и знай. Покойный ты.

– Что, и поговорить не хочешь?

– Не хочу. А с Лизкой – пожалуйста. Только быстро.

Лиза сидела в комнате и смотрела мультик про Винни Пуха. Я в который раз удивился, как дочка на меня похожа. Худенькая, хрупкая, с печальными зелеными глазами и веснушками, рассыпанными как просо по тарелке. Я подошел к Лизе, обнял ее за плечи и поцеловал в легкие, как пух у гусенка, пушистые волосы.

– Не подходи ко мне, – капризно сказала Лиза, – я с умертыми папами не разговариваю.

– Это же я, Лизок, давай хоть немного поговорим.

Лиза повернулась, снисходительно посмотрела на меня и отчеканила:

– У меня теперь дядя Володя будет папа. Он с мамой жи-

вет. А двух папов у ребенка не бывает.

Я повернулся и вышел.

Бродить туда-сюда мне быстро надоело. Городская природа не вызывала большой радости, а люди раздраженно смотрели на меня: помер, а все неймется ему, по улицам расхаживает. Нам работать надо, горбатиться. Этот коньки отбросил и никакой ответственности. А мне, может быть, как раз и хотелось ответственности, заботиться, опекать. И за себя стыдно, и перед людьми неудобно, они ведь тоже не виноваты. И за Лизу беспокойно, каково-то ей будет с новым дядей Володей, может, он нехороший человек...

Вдруг я ощутил, что в районе левого плеча в меня что-то врезалось. Оказалось, девушка. Маленькая, забавная, с рыжими кудряшками. Глаза точно такого цвета, как васильки, которые мы с Лизой в лесу на поляне собирали. Уставилась на меня, разглядывает пристально и смеется. Сама на меня наскочила, а еще и издевается.

– Молодой человек, можно вам вопрос задать? – бойко проговорила она.

Я приободрился. Вот, молодым человеком меня называет. Не мужчиной и не «эй, ты». Все-таки приятно.

– Ну задавайте.

– Вы всегда так ходите? В смысле, вам так нравится?

– Как так?

– Да у вас рубашка наизнанку надета. Вон, швы белые торчат, все в нитках.

– Не ваше дело, – неожиданно грубо ответил я. – Швы, не швы... на кой мне все это сдалось? Помер я.

– Извините. А так сразу и не скажешь. Для покойника вы очень даже неплохо выглядите.

– Спасибо. Вас как зовут?

– Вера. Может, расскажете, что случилось?

– Чего я буду вам... – вздохнул я. – Вы что, врач?

– Ну да, вроде того...

– Да ничего не случилось. Жена отрицательно восприняла факт моей смерти и выгнала меня. Ну а дочка просто очень сильно расстроилась и говорит, что у нее теперь новый папа.

Неожиданно я рассказал Вере обо всем. О том, как мы в детстве с мальчишками играли в футбол, прилетела ворона и на одного из нас напала. Дядя Гриша собрался с силами и забил ворону до смерти, а я украдкой плакал. О том, как я был первый раз на речке и в воде одну девчонку за ноги схватил, а потом ее бабушка за мной с прутом гонялась. О том, как в школе втюрился в Таню, а она мне математику списывать не давала. О том, как мы с Таней на встрече выпускников увиделись, а директор напился и на самую высокую сосну залез. О том, как я перед роддомом танец маленьких утят танцевал. О том, как мы с Лизой учились считать овец, коров и даже летающих слонов перед тем, как уснуть. О том, как все закончилось.

Я вежливо попросил Веру обстоятельно рассказать о своей жизни. А она только отмахнулась, будто от назойливой

мухи.

– Что рассказывать. Работала, жила с мамой в однокомнатной квартирке. А потом мама умерла. А потом... ну да не люблю об этом вспоминать.

С Верой было очень легко. Будто сидишь на облачке, а тебя вокруг приятный солнечный ветерок обдувает. Конечно, в ней было мало солидности, важности, но мне, как говорится, в ней нравилось все. Как она кудряшки свои за уши закладывает. Как крутит в руках обкусанный карандаш, вытащенный на свет из внушительных недр матерчатой сумки. Как смеется, иногда тихонько похрюкивая, словно довольный поросенок. Как смотрит на меня внимательно. Так внимательно, что время от времени даже в замешательство приводит.

– Вы не обращайтесь внимания, что я мертвый, – я с волнением взглянул ей в глаза. – Несмотря на этот факт, я довольно часто человек очень интересный.

– Ну что вы, – тихо произнесла она, – я же понимаю...

От этих слов мне стало очень тепло. Так мы и прогуляли несколько часов. Я все время болтал, а Вера слушала. Когда я рассказывал об очередных забавных проделках Лизы, она остановилась и выпалила:

– Вадик, надо идти. Идти к дочке. Поговорить с ней. Я же чувствую, как плохо у вас на сердце.

– А если жена опять выгонит?

Вера серьезно посмотрела на меня своими васильковыми

глазами и твердо сказала:

– Надо попробовать.

Вот и дверь наша опять, полумрак в коридоре, когда уже лампочку вкрутить соберутся. Как всегда ошметки грязи около коврика, обивка бессовестно выставила напоказ свое поролоновое нутро. Только вот пока я ходил, баночку из-под «Мусор голд кофе» убрали. Думай теперь, чего от Тани еще ожидать.

Вера протянула вверх руку и осторожно позвонила в дверь.

– Чего приперся опять? Давай, вали отсюда! – прорычала Таня. На этот раз она решила обойтись без церемоний.

– Танюсик, кто там пришел? – донесся из квартиры округлый бас.

– Не волнуйся котенок, отдыхай, – елеинo проговорила она.

– Тань, я к Лизе. Пусти, пожалуйста, – решил не сдаваться я. – Вот, познакомься, это Вера. Очень хорошая девушка.

– Какая еще Вера? – гаркнула Таня. – Совсем крыша поехала? – и шарахнула дверью о косяк.

Я оглянулся – Веры нигде не было. Тогда я понял, что мне больше никто не поможет. Я стал методично бить плечом в закрытую дверь. В квартире почему-то было тихо. Только вода из протекшего крана запоздало отсчитывала мои удары. Тогда я выбежал на улицу и стал продираться к окну через бурьян. Кулаками по окну замолотил и закричал:

– Лиза, не верь им! Я живой, живой!

Занавеска приоткрылась, и показался Лизин тоскливый глаз. Затем появился вздернутый носик, встрепанные волосы, в некоторых местах перехваченные заколками. Я подумал, вот, смотрит как на чужого, будто в первый раз видит. Но тут Лиза вытянула вперед тоненький пальчик и прижала его к носу. Это она «бип» сделала. Нажимаешь на нос и би-паешь, словно гудок автомобильный. Я поднес к носу дрожащий палец и тоже сделал «бип». Лиза улыбнулась, помахала мне ручкой тихонько и задернула занавеску.

Из меня будто выкачали воздух. Я опустился в колючую траву и посмотрел в небо. А на небе плясали рыжие кудряшки, залиvisto смялись и звали меня к себе...

Елена Левина

Волки

Я сижу в затопленном дымом «Doomsday», самом грязном баре Кайо Санта Марии, где-то на краю света, где никогда не бывает снега и так редко услышишь родную речь, и пью. Бутылок, опустошенных мною за последние три года, с лихвой хватило бы на постройку новой Вавилонской башни. Я просто пью. Мое основное занятие последние три года. Кроме тех часов, когда я помогаю Джеффу, лысому добродушному хозяину бара, прибирать после подвыпивших туристов. За это Джефф кормит меня и разрешает пить почти без ограничений.

Серый дым выжигает глаза. Птицы счастья лениво качают бумажными крыльями. Мэгги, пышнобедрая жена Джеффа, улыбается мне из-за стойки. Знаю, она не прочь забраться ко мне в постель, но я не хочу расстраивать моего наивного хозяина. Да и секс меня давно не волнует. Мне двадцать пять, и я уже три года как мертв. Три проклятых года, один миллион пятьсот семьдесят восемь тысяч двести сорок минут, если брать в расчет високосный год.

Меня никто здесь не осуждает. Никто ни о чем не спрашивает. Я мог бы быть счастлив здесь. Одна беда – даже в шуме

прибоя меня преследует вой снега. Я мерзну и никак не могу согреться.

...Дома нас встречали как героев. Братишка рассказывал потом, что за нашим спасением следила вся страна. Самолеты МЧС, солдаты, посылки с одеждой и едой. Обезумевшая толпа ликовала у трапа самолета. Мы спускались вниз с обмороженными руками и ногами, кто на костылях, кто на носилках, но – Аллилуйя! – живые. Я сразу увидел знакомые лица – испуганно-счастливое мамино, серьезно-сосредоточенное отца и огромные, полные обожания глаза младшего братца. Отвернулся и тут же споткнулся взглядом о лицо матери Лукаса, бледно-пепельное, неживое. Я не смог смотреть в ее застывшие глаза. Чего я боялся больше всего? Увидеть Лику. Она не пришла.

* * *

Я давно бредил Непалом. Мне хотелось вырваться из пыльно-шумного города, хотелось воздуха, хотелось свободы. Манили горы. Я насел на Лукаса, я соблазнял его словно францисканский монах африканского неопита, рисуя заманчивые картинки древних храмов, полуразрушенных пагод, странствующих дервишей, буддийских монахов, завлекал ветром гор и настоящим, мужским риском. Лука, мой лучший друг, почти брат, только что демобилизовался после службы в армии и подумывал смотаться куда-нибудь в Евро-

пу, но запах опасных приключений уже щекотал ноздри, романтика гор сделала свое дело, он сдался.

Группа собралась быстро, вопрос пары кликов в наше время. Пообщались на форумах, пару раз пересеклись «У Ротшильда», ребята все нормальные: двое уже побывали на треке, и не раз. Решили окончательно – делаем трек вокруг Аннапурны. С датой определились быстро, тем более что турецкие авиалинии предлагали лакомый вариант перелета через Стамбул.

* * *

Это был наш третий день на треке, хотя казалось, что прошел месяц, два, а то и три – время в горах имеет странное свойство стоять на месте. Но потихоньку мы привыкали к горам. И горы привыкали к нам. Мы уже не так выбивались из сил на перевалах, шли спокойно, стараясь не сбиваться с темпа, дышать ровно и глубоко. Оказывается, это совсем непросто – правильно дышать на подъемах, чем выше ты забираешься, тем чаще ты должен останавливаться, чтобы набрать в легкие воздух. Это важно, если хочешь добраться до вершины.

Рюкзаки оттягивали плечи – из соображений экономии мы отказались от портера, и к вечеру валились с ног даже парни, что уж говорить о девчонках. Утром солнце палило нещадно, а к ночи ни теплые пуховые куртки, ни вязанные

носки не спасали от обжигающего холода.

На ночь остановились в гостевом домике на высоте две с половиной тысячи метров. Совсем рядом за окном низко-низко плыли вихрастые тяжелые облака. Утром нас ждал перевал Торонг Ла.

Дико хотелось похлебать горячего – какой-нибудь китайской лапши или другой такой же бесполезной ерунды, но два последних пакета мы заварили вчера, благополучно приговорив их вприкуску с пакетом тыквенных семечек. Местный кофе бурого цвета с расплывающимися жирными кольцами на поверхности пах коньяком и бензином. Онемевшими пальцами я сжимал огненную кружку и думал, что никогда раньше я не пил такого вкусного кофе. Лука небрежно бросил на кровать свернутое одеяло и, скрестив ноги, уселся сверху. Потянулся:

– Кайф, брат, а?

Я просто промывал в ответ, единственное действие, на которое был способен сейчас, и погрузился в блаженный ватный покой.

– Мы решили пожениться с Ликой, – голос Лукаса пробился сквозь плотный туман полудремы. – Как только вернемся, определимся с датой, ты, само собой, свидетель. Хочешь, со стороны жениха, хочешь, со стороны невесты.

Он неуверенно хохотнул. Где-то далеко, со стороны Катманду, ухнули раскаты грома, и бледные всполохи молний на мгновение осветили комнату.

– Поздравляю, – возможно, моему голосу не хватило радости, но сказать мне больше было нечего, поэтому я просто добавил:

– Спать давай, завтра рано вставать.

Завернулся в свой спальник и, закрыв глаза, приказал себе дышать глубоко.

Это был удар под дых. От таких ударов сразу не оправляются, я знал это точно. Три года марш-бросков в роте израильских коммандос не прошли для меня даром.

Ли́ка, Лу́ка и я всегда были вместе. Мы росли вольными птицами: с утра до вечера, предоставленные самим себе, носились по берегу, собирали ракушки и рачков, купались, ныряли, разводили туристов на сувениры и мелкие монетки. Родителям было не до нас, с утра до ночи работали, завоевывали жизненное пространство для себя и для детей, ради которых и сорвались в эту чужую, незнакомую страну.

В четырнадцать – мы втроем впервые напились вдрызг.

Метакса, которую я позаимствовал у отца, лукаво прятала крепость за нежно-приторным вкусом роз, и мы глупо попались – кто бы сомневался – на ее горячую легкую сладость.

В пятнадцать – выкурили первый косяк.

А потом угнали «Мазду» соседа Ли́ки и, накатавшись вволю, бросили на другом конце города, за железнодорожной линией. Плешивый старичок пускал слюни на Ли́ку и даже пару раз пытался ее облапить, так что наша маленькая месть была вполне справедливой.

В шестнадцать – все стало непросто, и я узнал, что такое летать. От ее волос пахло морем, и имя – Л-и-к-а – мятной карамелью таяло во рту.

В девятнадцать – нас призвали в армию: я попал в элитную десантную роту, а Лука служил в секретном подразделении компьютерных технологий. Он всегда был самым головастым из нас.

Я решил, что, когда вернусь, мы с Ликой поженимся и будем вместе до конца – и в беде и в радости. Она так и не узнала о моих планах, я все собирался с духом, чтобы признаться ей, но теперь уже что...

* * *

Около пяти, зевая и переругиваясь с недосыпа, выбрались наружу. Утро встретило заморозками. Кто-то вспомнил, что диктор во вчерашних новостях бубнил что-то об ухудшении погоды, но как-то слишком невнятно, и мы, отмахнувшись от всех предупреждений, решили двигаться. Тем более что не было и намека на бурю или лавину. Так, bad weather.

Мы шли уже несколько часов, и до перевала, по нашим подсчетам, оставалось совсем ничего, как вдруг разом, без предупреждения плотной косой стеной повалил снег. Разбушевавшийся ветер сбивал с ног, закручивая вихри белой крупы вперемешку с пылью и грязью. Добравшись до земли, снег замерзал почти мгновенно, превращаясь в ледяной

наст, ноги скользили, и я все время боялся упасть и больше не подняться. Узкая полоса проторенной тропы совсем исчезла, и мы тащились, увязая в снегу, неизвестно куда, в непроницаемую плотную пустоту. Было дико холодно. Я жалел, что не взял с собой теплую вязаную шапку и рукавицы, и эта мысль здорово мучила меня.

Первое время мы еще старались держаться группой, но очень быстро ветер раскидал всех по сторонам, и мы остались с Лукой одни. Сколько времени мы брели так, я не знаю. Может быть, час, а может, и день. По дороге все чаще попадались упавшие люди, но никто не кричал и не звал на помощь, и я до сих пор не знаю, были они живы или нет, но вряд ли мы могли им чем-то помочь.

Новый шквал ветра ударил в лицо, меня качнуло, правую ногу повело в сторону, но каким-то чудом я сумел удержаться на ногах. Сквозь снежную пелену увидел, как Лукаса, который шел впереди меня, снесло в сторону, и он грузным кулем повалился на землю. Я схватил его за обледенелый ворот куртки и попытался поднять.

– Нога, нога, – стонал он. – Я подвернул ногу... не могу встать...

– Давай, давай вставай, сволочь... Вставай, ну же... Сука ты, сука...

– Не могу... Я не... могу...

Мне все же удалось поднять его, и какое-то время мы стояли обнявшись посреди безумного белого хаоса.

– Иди первым, я за тобой, – застывшие губы плохо слушались меня.

– Нет, нет, ты иди, я не смогу быстро.

– Волки! Во-о-лки! – я тряс его за плечи, снег забивался в рот и мешал говорить. Слова, зажатые где-то глубоко, не выходили из горла, а выходил один хрип, непонятный и страшный, но Лука понял меня и шагнул вперед.

«Волки» – было нашим кодовым словом. Мы учились в третьем или четвертом классе, когда дед Луки, всю жизнь проработавший учителем, рассказал нам о том, как волки передвигаются в стае. Впереди идут самые слабые – старые или больные, они задают скорость всей стае. Если они пойдут сзади, они отстанут и погибнут. За ними идет пять-шесть сильных молодых волков. В центре – остальные волки стаи, потом – еще одна группа сильных самцов. Последним бежит вожак, он следит за всей стаей. Животные – не люди, они берегут друг друга.

А ветер все усиливался. Я считал шаги, монотонное «раз-два-три-раз-два-три» помогало мне сосредоточиться. Я не мог ошибиться, если бы я упал, нам обоим пришел бы конец. Но надолго Лукаса все равно не хватило – он падал снова и снова. У меня не было больше сил поднимать его, я знал, мы сдохнем здесь вместе. Когда он поскользнулся в очередной раз, он просто отказался вставать.

– Ты иди, – сипел он. – Я как-нибудь сам, потихоньку... Ты иди, не надо нам вдвоем.

О чем я думал тогда? О том, что черта с два он дойдет сам и что мне его тоже не дотащить. Думал о своих руках, которые давно не чувствовал. А еще думал, что, может, хрен с ним, сяду сейчас рядом с Лукой и просто закрою глаза.

– Иди, иди, – Лука отпихнул меня, мне казалось, он кричал, хотя на самом деле это был просто беззвучный, хриплый сип. И я пошел. Пополз, разгребая руками снег.

Не помню, сколько времени я брел сквозь этот ад, пока не вышел на домик местных пастухов, где ожидали помощи еще несколько десятков туристов, добравшихся сюда сквозь снежную бурю. Все оставшиеся до прилета спасательного вертолета дни я продолжал надеяться, что каким-то чудом Луке удалось выбраться наверх и что он выжил.

Утром 20 октября 2014 года власти Непала официально объявили о прекращении поисково-спасательных работ на туристическом маршруте вокруг Аннапурны в месте удара циклона Худхуд.

Дмитрий Шишканов

Персональный тренер

– Я решил хакнуть Вялого. Ты мне поможешь.

Это прозвучало как утверждение: просительные интонации Максу не слишком давались, да он ими почти и не пользовался. Не было необходимости. Мне полагалось изобразить удивление, так что я остановился и посмотрел на него в упор.

В свои двадцать пять персональный свап-тренер самого дорогого московского клуба Макс был не просто красивым накачанным мальчиком. Нет, это было воплощение жизненной силы в ее самой простой, плотской, искренней форме. Маленький бессердечный бог, настолько искренне влюбленный в себя, что окружающим оставалось лишь разделять это чувство, причем без капли ревности. Уверен, застигни его молодой муж в постели с собственной невестой, все, что он рисковал получить – новые грани сексуального опыта.

Впрочем, я увлекся. Молчание.

Макс выглядел... если вы любитель музыки позапрошлого века и хоть раз видели альбом «The Best of the Doors», моя задача сильно упрощается: это был он. Мощная шея, широкие скулы, безупречный нос, несвятой нимб черных

кудрей. И губы, которые на любом другом лице – но только не на этом – можно было бы назвать по-женски пухлыми и чувственными, даже вульгарными. Именно они поднимали красоту Макса над контекстом пола, делая ее самодостаточной.

Конечно, он знал о моем к нему отношении. Не из-за своей проницательности – в плане интеллекта он был откровенно глуповат (боги могут себе это позволить). Он просто чуял меня как животное. И был уверен, что я сделаю для него все, что ему нужно.

Решив, что выдержал достаточную паузу, я спросил:

– Ты хочешь, чтобы я подменил его контрольные ключи?

Совершил терминальное нарушение?

– Да.

– Да? И почему я должен это сделать? Вернее, зачем? Что я получу за это?

– Две вещи. Пять миллионов через полгода. А прямо сейчас – вот это... – Макс быстро огляделся. Мы стояли на краю пустынной Таганской площади на территории ватного кластера. Бесформенные в июльской жаре фигуры редких прохожих плавилась в отдалении.

Я ждал этого, но подготовиться не сумел. Неожиданно его глаза оказались прямо напротив моих. Его губы... но нет, ни слова больше. То, что я почувствовал, принадлежит только мне. Да и не думаю, что вы были бы рады подробностям. Скажу лишь, что был несколько... разочарован.

Макс не заметил моих ощущений: такой возможности он просто не допускал. Мы молча двинулись дальше вдоль утробно гудящей стальной набережной Защитного канала к центру площади, туда, где ее делила полоса из двух идущих рядом широких цветных линий – оранжевой и зеленой. В пятидесяти метрах от канала полоса переходила в специально сохраненный тридцатиметровый фрагмент двойного же бетонного забора высотой два с половиной метра, утыканного сверху железными шипами и густо увитого колючей спиралью безнадёжного вида. Все металлические элементы забора были выкрашены светлым металлик, а в его середине – это был самый центр Таганской площади – зияла брешь, которую занимал памятник на высоком постаменте из темного камня. На нем сверлили друг друга тяжелыми взглядами два трехметровых мужчины. Одной рукой, отведенной назад несколько танцевальным жестом, каждый из них сжимал дуло устаревшего огнестрела, упертого прикладом в землю, а другой держался за свой край толстого бронзового листа, олицетворявшего Договор о сосуществовании. Левый воин с длинным гладко выбритым лицом был одет в подобие старинного военного пиджака с высоким воротом, а наряд правого, с аккуратной бородкой на круглой скуластой физиономии, больше всего походил на простеганную полосами лыжную куртку. Оба были покрыты разновозрастными пятнами оранжевой и зеленой краски, а на сумрачной грани поста-

мента криво белела многократно затертая и восстановленная размашистая надпись: «Два гомобрата – креакл и вата».

Пересекая полосу между набережной и памятником, я поймал насмешливый взгляд Макса: от него не укрылось, как я машинальным движением спрятал блеснувший текущим серебром ихтис под футболку. К запрету на открытое ношение религиозных символов, до сих пор формально действующему в кластерах креаклов, сегодня могли серьезно относиться только люди далеко за тридцать. Для меня, «смешанного» родом из двадцатых, двухцветные полосы на улицах действительно имели совершенно реальное значение. Как и ихтис, как и Ватный Кодекс, который я сам выбрал в день своего пятнадцатилетия. Я имел на это право: мой отец был креаклом, а матушка – ватой, так что выбор оставался за мной. И в то время это действительно был выбор, определяющий всю твою жизнь, а не стиль одежды и сенсомузыки, как сейчас.

Почему я, уже осознавший себя таким, каков есть, принес клятву темно-оранжевой книге, в которой однополая похоть шла третьим номером в списке подтерминальных нарушений? По той же причине, по которой с детства преодолевал свою чахлую генетику на стендах и тренажерах. Без правил и ограничений нет ни смысла, ни цели, а вялая и лицемерная вседозволенность креаклов – это тлен, энтропия, гибель

энергии. Семья в пыли. За то, что тебе действительно дорого, ты всегда должен платить высокую цену.

– Пять миллионов за взлом ключа. Это получается... ноль-один процента от состояния Волкова, верно? Макс, а не слишком щедро за такую ерунду? Которую, насколько я знаю, еще никому не удавалось повернуть?

– Ты же смог как-то скрыть наш с ним настоящий коэффициент совпадения? Значит, и это сможешь. И, Дрон, разве я сказал, что это будут единственные деньги, которые ты получишь? Просто я слишком ценю твое доверие, чтобы обманывать хоть в чем-то. Поэтому говорю честно, что сначала не смогу перевести больше, не вызвав ни у кого подозрений. Пять лямов за помощь в реабилитации – по-моему, это до хрена и больше. Позже придумаем безопасную схему, и ты получишь свои тридцать процентов от всех денег Вялого. Это будет по справедливости, как думаешь?

(Макс, сейчас ты и сам себе веришь, но раз уж спросил... я думаю, что первое и единственное, что получу от твоих щедрот – неодимовый шарик в мозжечок из магнето незнакомого снайпера. Уверен, когда придет время, это вполне уложится в твои представления о справедливости.)

– Предположим, я смогу его взломать. Но хочу просто тебя спросить: ты действительно знаешь, что делаешь? Макс, обратной дороги не будет. Волкову сорок, недавно он чуть не умер и до сих пор едва ходит. Оно действительно того стоит?

– Я его органику за год затащу до отличного состояния. Уж поверь. На самом деле у Вялого идеальное здоровье. Если, конечно, не считать этого склероза – но генотерапия точно сработала, не зря он отвалил полтора ярда за смену фракции. Я сейчас каждый его свап чуть ли не удваиваю нагрузку. И зачем ты мне говоришь про его возраст так, как будто я сам его не знаю? Тебе самому сколько стукнуло недавно? Сорок два? Ну и как – старпером себя чувствуешь?

Я еще ни разу не слышал от Макса такой длинной речи. Но он и не думал останавливаться.

– Как ты думаешь, сколько я заработаю в клубе за пятнадцать лет, если буду делать по три свапа за смену, растрясывая богатые жирные жопы на тренажерах? А я знаю точно. Считал. Если все это время жрать один сойлент, хватит на лофт где-нибудь в третьем радиусе. И на поддержанную персональную капсулу. Если, конечно, раньше у меня мозги не спекутся, как у Родика. «Для тех, чье время дороже денег» – это ведь Крыса придумал?

– Да, Красицкий.

– Его прямо раздуло от гордости на собрании, когда показывал рекламу. Типа, новый эксклюзивный сервис для офигительно деловых людей, у которых даже на пару тренировок в неделю времени нет. И пока их вип-тушку прокачивает специально обученная обезьянка, они занимаются своими офигительно важными делами: считают хьюдж-дату или там полярные фьючерсы толкают. Только вот из них всех один

Вялый, походу, действительно работает. А все остальные – или вконец обленившиеся твари, неспособные сами себя заставить влезть на тренажер, или старые извращенцы. Ты хоть знаешь, что они мной делают в комнате ожидания, пока я их дряблые мышцы растягиваю? Догадываешься? Я тоже догадываюсь – по своим ноющим яйцам. Три свапа за день! Ты знал, что Бабин доплачивал Крысе пятьдесят косарей на карман, чтобы тот ставил его свапы на утро? Боялся, что после других ему ничего уже не останется. Это я, по-твоему, должен ценить?

Пятый пункт правил своп-сервиса запрещал любые действия сексуального характера в чужом теле. Я ни разу не слышал, чтобы у кого-нибудь из клиентов были из-за него проблемы, зато тренеров, приходивших к Красицкому с жалобами, в клубе потом больше не видели.

– Я просто обналичу свои пятнадцать лет, разом. Причем по тарифу, который им и не снился. Так что не переживай за меня, Дрон. Просто сделай то, о чем я прошу, и мы оба ухватим бога за яйца.

Тут Макс запнулся и замолчал с чуть растерянным видом, что для него было равносильно глубокому раскаянию. Мне стало смешно: неужели можно всерьез допускать мысль, что Его способны задеть слова мальчишки? Чьи угодно слова? Чем вообще можно *действительно* обидеть Бога? Прикоснувшись к ихтису сквозь ткань, я улыбнулся, давая понять, что проблем нет, и в этот момент впереди раздалось

негромкое шипение: на терминал вакуумной подземки у входа в клуб, до которого нам оставалось прошагать метров пятьдесят, прибыла персональная капсула. Створки терминала плавно разъехались, и непроницаемо серый борт сдержанно блеснул на солнце – так, как это могут делать лишь очень дорогие вещи. Ватный выкrest миллиардер Виктор Волков прибыл в элитный спортивный клуб «Порфир Иванов» на тренировку.

Свой первый миллиард он заработал в двадцать пять лет, как раз на проекте транспортной сети персональных вакуумных капсул, вложившись в него за месяц до того, как это сделал Прогрессивный консорциум, выйдя на пике стоимости – ровно за неделю до того, как акции рухнули, обанкротив десятки тысяч креаклов, – а потом вложившись обратно. И тогда же у Волкова нашли БАС. Боковой амиотрофический склероз, редчайшую смертельную болезнь, поразившую когда-то профа Хокинга, известного последователя квантовой механики, которую сестры Темирхановы в своей нобелевской речи назвали самым блестящим заблуждением науки прошлого. Во времена Хокинга никакого лечения не было, и тот остался полностью парализован, но все же жив лишь благодаря совсем уж невероятной случайности. Шансы Волкова были бы гораздо выше, пятьдесят на пятьдесят – именно такую статистику давала генотерапия – не будь он урожденным ватой. Ватный Кодекс причислял генную тера-

пию, как и любую попытку вмешаться в Разумный Замысел, к терминальным нарушениям.

Пять лет Виктор Волков, медленно, но неостановимо, нерв за нервом терявший контроль над телом, зарабатывал недостававшие для смены фракции пятьсот миллионов. Когда сумма была, наконец, собрана, на символическую Казнь предателя его привезли, способного управлять лишь глазами яблоками и пальцами рук. Следующие пять лет Волков каждый год проходил процедуру полного регенеза, которая с вероятностью один из двух могла убить его быстро и мучительно, вызвав массовое отторжение органов. Но, похоже, кто-то в милости Своей не оставил его даже после измены, и к тридцати пяти годам закованный в сервоприводы скелет с остатками атрофированных мышц и яростно сверкающими глазами был признан излечившимся. Ну а дальнейшая история того, кого в клубе за глаза прозвали Вялым, всем известна и есть на любом мотивационном канале: «Вата ненавидели его за предательство, а креаклы не признавали своим. Все, что у него было – сервокостюм, без которого он не мог даже подтереть себе задницу, огромные долги за генотерапию и вера в себя. Через четыре года он стал миллиардером и практически восстановил мышцы постоянными свап-тренировками. Ты все еще ноешь о своей тяжелой жизни и об отсутствии возможностей, ленивая тварь?»

В казавшейся монолитной стенке капсулы раскрылся широкий проем, в котором немедленно замаячила тощая высокая фигура, не одетая, а скорее обернутая в дорогой костюм. Волков без помощи охранника выбрался на платформу и, заметив нас, помахал огромной пятерней. Потом неуклюжими, но быстрыми движениями разболтанной механической игрушки заковылял по лестнице, игнорируя ползущий рядом эскалатор. Голова его моталась во все стороны с пугающей амплитудой. До тренировки оставалось двадцать минут.

* * *

— ...в браслет вмонтирована первая часть ключа, которую невозможно снять или заменить без разрушения. Вторая его часть, синхронизированная с первой пучком запутанных фотонов, подключена к терминалу и защищена контрольной пломбой. По окончании процедуры обратного обмена личностными характеристиками, которая будет успешной с вероятностью восемьдесят четыре процента, вам необходимо нажать на экран ключа и дождаться звукового сигнала. На экране появятся два семизначных числа разных цветов: зеленого и красного. Произведите внимательный наружный осмотр тела, в котором находитесь, а также тщательно проанализируйте свои тактильные ощущения и восприятие схемы тела. Если вы уверены, что находитесь в теле, принадлежащем вам с рождения, введите в консоли зеленое

число. В противном случае введите красное число. Если оба участника введут зеленые числа, сеанс обмена будет считаться завершенным, а участники в соответствии с Шанхайским регламентом пожизненно утратят право оспаривать его результат. Если оба участника введут красные числа, процедура обратного обмена будет автоматически перезапущена. В прочих случаях система перейдет в режим нештатной ситуации, а участники будут зафиксированы до прибытия сервисной бригады и представителей власти. Пожалуйста, прикоснитесь большим пальцем правой руки к сканеру, если вы принимаете все правила процедуры временного обмена личностными характеристиками и согласны ее начать.

Полулежащие на разделенных толстым стеклом кушетках фигуры едва заметно шевельнули кистями рук, и экран своп-терминала порозовел. Не дожидаясь окончания, я вышел из комнаты и направился в тренажерный зал. Следующие четыре часа мне оставалось только ждать. Это могло произойти сегодня, а могло – через три месяца или через три дня. Но рано или поздно шестнадцать процентов обязательно сработают.

* * *

На востоке едва слышно проворчало, зашумела листва, и через секунду к моему влажному затылку прикоснулось неожиданно холодное лезвие ветерка. Он подошел и легко

сел на скамейке рядом. Я пристально разглядывал мостовую, не в силах поднять глаз.

– Это наша последняя встреча, поэтому если хочешь что-то спросить – сделай это сейчас. Я не слишком близко успел познакомиться с твоим... бывшим коллегой, мы с ним почти не пересекались, – в голосе зазвучала усмешка. – Но думаю, ему хватит недели, чтобы переступить через чувство благодарности к тому, кто помог переселить его в тело, владеющее пятью миллиардами. И тебе надо исчезнуть раньше. Сам я уже завтра буду на другом континенте. Акции на предъявителя лежат в ячейке, как мы и договаривались, ты сможешь продать их за пятьсот миллионов в течение года, все это время компания не изменится в цене. Я сделал так, что она никак со мной... с ним не связана, так что риска нет.

Я молча кивнул.

– Удивительно, что нам удалось найти того, кто поверит, что ты можешь взломать ключ на запутанных фотонах. Поверит, что его вообще можно взломать. Редкая удача.

Я снова кивнул, по-прежнему глядя в землю.

– Андрей, если ты не задашь свои вопросы прямо сейчас, они останутся без ответа.

– Только один. Как ты смог перевести свои активы на другое имя? Я не видел на бирже других новых компаний.

– Никак. Все деньги Вялого останутся у Вялого. Вся чечевичная похлебка.

Плечо обожгла его раскаленная рука, и я поднял взгляд. Глаза на знакомом лице полыхали незнакомым весельем. В этот момент он не тянул и на двадцать.

– Пять миллиардов за пятнадцать лет жизни. Получается... по триста тридцать миллионов за год? Скажу тебе по секрету: это *очень* хорошая сделка. Я бы все отдал и за три года. Прощай, брат.

Он повернулся и зашагал прочь, навстречу уже совершенно точно надвигающейся с востока грозе, пружинящей походкой человека, которому приходится изо всех сил сдерживать прущую из него энергию.

Лариса Дикк

Цинга

В издательство «REV Forlag»

Улица Св. Анны 47

3000 Хельсингер

Дания

Уважаемая редакция!

Прошу принять на рассмотрение и по возможности напечатать мое исследование о Второй Камчатской экспедиции под предводительством капитан-командора Беринга, прозванного, как известно, «датским Колумбом русского царя». Стремлюсь к публикации не из корысто- или честолюбивых соображений, а единственно потому, что духовная сила участников экспедиции и их способность переносить невзгоды может послужить утешением и примером многим, испытывающим боль и уныние, осушить их невидимые миру слезы. Автор не претендует на гениальность и непогрешимость, его доступ к историческим документам, силы и возможности значительно ограничены. Однако если миллионы зрителей во всем мире, затаив дыхание, следят в фильме «Выжив-

ший» за схваткой медведицы, сыгранной канадским каскадером Гленном Эннисом, и обвешанным тубиками с бутанской кровью Леонардо ди Каприо, то, может быть, найдутся среди нынешних читателей такие, которые способны сопереживать истинным страданиям действительно живших людей, даже если повествование ведется отрывочно и безыскусно.

Приложение: документальная повесть «Цинга»

С уважением,

Ингрид Кюне

Эльхорн 24

25836 Вельт

Германия

16 ноября 2016 года

Что же, по-моему, получилось неплохо. Теперь надо перевести на датский. Сама-то повесть, правда, еще не готова, так, отдельные наброски пока, но пусть письмо сияет мне Полярной звездой. Записки мои хорошо бы распечатать. Все-таки в двадцать первом веке живем, хотя для меня – что восемнадцатый, что двадцать первый – невелика разница. Сейчас меня забросают гнилыми помидорами – сидишь, мол, на шее у общества, пользуешься медицинскими и социальными благами и ноешь. Бросайте, бросайте в меня чем угодно, я хоть буду знать, что где-то рядом есть люди! Не сижу я – большей частью лежу. А медицина – что медицина? Врачи не всемогущи, да и не ходок я больше к ним. С дет-

ства намаялась. Вот и лежишь часами в затемненной комнате, смерти дожидаясь, которая тебя от мук невыносимых избавит, да что-то она не спешит, а боль не отпускает, и единственный человек, которого вижу, – Уве, опекун мой, глаза бы мои на него не глядели.

17 ноября 2016 года

Нет, на Уве я зря напала. Когда мне бывает получше, он позволяет спуститься вниз, посмотреть телевизор, а иногда и к компьютеру ненадолго допускает. За продуктами ходит, готовит. В общем, почти как мать родная. Впрочем, родная-то меня в интернат в свое время спланила. Хоть в этом мне в жизни повезло – гимназию окончила, в университет поступила. Если бы не болезнь...

Беринг умер шестидесятилетним, как пишут, «от голода, жажды, неудобств, печали и скорби» на необитаемом острове, который носит теперь его имя. Мне шестой десяток, живу почти на необитаемом острове, похоронят меня анонимно, и имя мое, которое и сейчас вряд ли кто помнит, затеряется окончательно. Зачем жила?

20 ноября 2016 года

Уве просить ни о чем не буду, он накричит, назовет мою затею бредом. Лучше отдать записки переводчику, чтобы сразу напечатал на датском. Датчанам должно быть интересно про Беринга, все-таки соотечественник. Меня же за-

нимает другое. Цинга косила людей и на «Святом Петре» и на «Святом Павле». Но Беринг умер, а Чириков выжил. Почему так? Перст судьбы и детская считалочка? Сива – ива – дуба – клен – шуга – юга – вышел вон... Ну а вообще, за что людям такие мучения? Сегодня цинга кажется безобидной беззубой старухой, век которой давно миновал, а ведь она и в Европе, и на всех морях вон как свирепствовала. В документальном фильме это хорошо показали. С тех пор Вторая Камчатская меня и не отпускает. Некоторые симптомы, между прочим, как при дефиците витамина D: кости ломит, суставы болят, кишечник барахлит, усталость дикая, депрессия. Как они при этом умудрялись штурвал из рук не выпускать?

22 февраля 2017 года

Нашла переводчицу, позвонила. Договорились о встрече. Легко сказать – договорились. Тут ведь целую экспедицию снаряжать надо. Теплой одежды у меня нет. Хотя это не так важно. Все же у нас не Камчатка, да и ехать мне на такси. Надо привести себя в человеческий вид. Хуже всего с волосами – спутались, сбились. Срезать бы эти колтуны, но сама не могу, а парикмахеру голову подставлять – что на гильотину класть, к ней ведь больно прикоснуться.

А в юности-то меня даже симпатичной считали – волосы как смоль, брови соболиные. Но это было, кажется, в восемнадцатом веке. Сейчас же страшно на себя в зеркало взгля-

нуть. Стеллерова корова. Цинга.

1 марта 2017 года

Уве косо смотрел на мои сборы, но вставлять палки в колеса не посмел. Почувствовал, видимо, насколько эта поездка важна для меня. Да в конце концов, я свободный человек!

У переводчицы оказалась внешность типичной датчанки – круглое лицо, серые глаза, льняные волосы. И имя датское – Дагмар Нильсен. Она появилась на пороге с милой улыбкой, которая, впрочем, тут же угасла. Я отразилась, как в зеркале, в ее недоумении: толстуха в потертой летней куртке и допотопной шерстяной юбке, волосы кое-как собраны в пучок на затылке, слоновьи ноги в гольфах и разношенных мокасынах. В левой руке большая черная сумка из кожзаменителя, в которой может содержаться все, что угодно, но только не пухлый кошелек. С людьми, которые так выглядят, дел лучше не иметь. На месте хозяйки дома я бы просто захлопнула дверь. Но она, сделав над собой некоторое усилие, натянула вежливую улыбку и пригласила войти. Провела в комнату, терпеливо выслушала. Скептически посмотрела на мой манускрипт. Да я бы вообще над такой филькиной грамотой просто расхохоталась. Еще и почерк у меня слишком детский. Но просить Уве об одолжении было невыносимо – он, может быть, и сделал бы распечатку, но донимал бы меня потом своими издевательствами. В общем, договорились только о том, что переводчица прочитает текст и сообщит.

щит, возьмется ли за работу. Не густо. Впрочем, у меня такое чувство, что все сложится удачно: первое, что мне бросилось в глаза, когда я вошла в комнату, был двухмачтовый парусный корабль, собранный из конструктора «Лего».

На обратном пути таксист-лихач устроил мне такую встряску, что я всем нутром и каждым позвонком прочувствовала малейшие неровности дороги. Хорошо хоть, морская болезнь меня не скрутила. Но думала, что путешествие завершится не иначе как переломом шеи. Дома Уве, разумеется, добил меня своими нападками. Куда, мол, тебя несет в таком состоянии! Но других состояний ждать не приходится. Ничего, оклемаюсь.

5 марта 2017 года

Лежала и думала: а куда, скажите на милость, несло Беринга и других участников экспедиции? Что ими двигало? В первую очередь, несомненно, приказ царя. Однако во время Первой Камчатской экспедиции капитан-командор особо не рисковал, осмотрительно повернул обратно с началом осенних штормов и привел корабль в надежную гавань, сохранив людям жизнь. Так что же заставило его, вернувшись в Петербург, где за время его отсутствия трижды поменялась власть, немедленно начать хлопотать о Второй Камчатской экспедиции? По масштабам и результатам ей суждено было затмить первую. По лишениям и страданиям тоже. Представить только – из Петербурга до Охотска добирались – че-

рез всю Сибирь – на лошадях и в собачьих упряжках! Везли с собой провиант, оснащение, строительный материал для кораблей. Построив на Камчатке два небольших парусных судна, отправились на них в неведомые земли. Куда и зачем их несло?

7 марта 2017 года

От переводчицы все еще нет никаких известий. А вдруг она откажется? Или еще хуже – согласится, но сделает халтурный перевод. Такое ведь случается. Однажды мне попался в руки переводческий шедевр, и кое-какие перлы храню в памяти: «Он у меня сидит прямо, дорогуша? – жизнерадостно спрашивала королева... елозя париком по голове». А что, если и в моей повести Беринг и Чириков вдруг начнут «елозить париками»? Как я об этом догадаюсь, не зная датского?

На море, в плавании, сразу видно, чего ты стоишь. Головоотяпам там не место. Участники Второй Камчатской были истинными мастерами своего дела: они определяли курс при помощи простейших навигационных инструментов, делали замеры и составляли карты, причем довольно точные, открывали и описывали новые виды растений и животных. А еще выжили зимой на необитаемом острове. Из обломков корабля сумели построить новый. И похоже, Стеллер был хорошим врачом. Скорее всего, он нашел на острове какую-то зелень, коренья. Во всяком случае, цинга от них отступила.

Где найти такого врача, как Стеллер? Коренья и зелень мне, конечно, не помогут. Уве навязывает мне таблетки. Но тут опасна передозировка. Надо бы сделать анализ, определить уровень витамина D в крови. Только у меня ведь и карточка медицинского страхования куда-то затерялась.

9 марта 2017 года

Наконец-то позвонила Дагмар. Сказала, что повесть ей понравилась. Обещала в течение месяца сделать перевод, а затем помочь мне в переписке с датскими издательствами. Это больше того, на что я рассчитывала. Осталось запастись терпением. Теперь хоть и лежу как остов разбитого корабля, но боль отхлынула.

Мне кажется, что Беринг умер, потому что потерял надежду. Зимой на необитаемом острове, лежа в землянке, полузасыпанный землей, он, наверное, был раздавлен грузом мыслей и воспоминаний о потерянном в тумане втором корабле, о начавшемся на «Святом Петре» голоде, иссякших запасах питьевой воды, лютой цинге, о пережитых штормах, после которых «корабль плыл как кусок мертвого дерева», о высадке на остров, оказавшийся необитаемым... Он умер через десять дней после того, как бушевавший шторм сорвал с якорей «Святого Петра» и выбросил обломки на берег, убив последнюю надежду на благополучный исход. Кстати, говорят, у капитан-командора не было признаков цинги. Чириков же на «Святом Павле» «весьма от цинги изнемог

и уже по обычаю был приготовлен к смерти», но все же продолжал рассчитывать курс для стоявшего у штурвала Ивана Елагина, который тоже был болен, «но по крайней возможности преодолевал свою немощь». Получается, что цинга свалила Чирикова с ног, но не сломила его.

5 апреля 2017 года

Поняла, что надо что-то делать. Нельзя поддаваться унынию. Несколько раз звонила Дагмар, но она не отвечает. Уведомляет меня больницей. Но ведь три четверти жизни я находилась под контролем врачей. Пока не взяла свой собственный курс. В жизни так много интересного. Хочется увидеть Камчатку, Командоры... Что же, к такой экспедиции надо долго готовиться. А вот Хорсенс, где родился Беринг, — это от нас всего два с половиной часа на такси. С него и начну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.